

УДК 913(47.84)

Калинина Д.А.¹

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ: ПРИЧИНЫ ОБОСТРЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Вятский государственный университет

Kalinina D.A.

**POLITICAL REFERRAL AND STATE OFFICIALS ON THE EVE OF
THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION: CAUSES OF EXTENSION OF
RELATIONS (ON THE MATERIALS OF VYATSKY GOVERNIA)**

Vyatka State University

Реферат. В статье сделан анализ причин ухудшения взаимоотношений политических ссыльных и представителей государственной власти, реализующих Положение о полицейском надзоре накануне первой российской революции. Исследование отражает наличие как объективных, так и субъективных предпосылок, приведших к росту враждебности между представителями официальной власти и государственными преступниками в дореволюционный период российской истории.

Ключевые слова: политическая ссылка, гласный полицейский надзор, взаимоотношения, политические ссыльные, полиция, Вятская губерния.

Abstract. The article analyzes the reasons for the deterioration in the relations between political exiles and representatives of state authorities implementing the Regulations on Police Supervision on the eve of the first Russian revolution. The study reflects the existence of both objective and subjective prerequisites, leading to increased hostility between representatives of official power and state criminals in the pre-revolutionary period of Russian history.

Keywords: political reference, open police supervision, relationships, political exiles, police, Vyatka province.

¹ Калинина Дарья Александровна — канд. ист. наук, доцент Вятского государственного ун-та.

Ссылка, под которой мы понимаем «удаление преступника из одной местности государства в другую, с обязательным пребыванием в этой последней», [1, с. 367] была известна как особое наказание еще в XVI в. В XIX в. в связи с ростом протестного общественного движения из ссылки в целом в качестве самостоятельной меры государственного воздействия, выделилась политическая ссылка. Благодаря своей относительной эффективности административная политическая ссылка приобрела массовый характер и стала, по мнению ряда исследователей, одним из основных институтов так называемой карательной политики государственной власти [2, 3].

Резкий рост численности политических ссыльных, а также расширение географии мест ссылки в конце XIX в. создали новую проблему, находящуюся в зоне особого государственного внимания, а именно деятельность лиц, признанных государственными преступниками за свою оппозиционную активность в местах ссылки, взаимоотношения ссыльных с местным населением и представителями государственной власти.

Если в целом рассматривать динамику взаимоотношений административных политических ссыльных и должностных лиц их контролирующих, то в начале XX в. наблюдается тенденция к росту враждебности, которая объяснялась нарастанием кризисных явлений во всех сферах жизни Российской империи накануне первой российской революции.

Еще одной причиной обострения отношений среди субъектов системы административной политической ссылки стало водворение под гласный надзор полиции в начале XX в. более радикально настроенных лиц, во главу угла ставящих не слово, а дело. Подобная философия утверждается среди политических ссыльных и оказывает определенное влияние на взаимоотношения с полицией и местной властью.

Складыванию негативных взаимоотношений между политическими преступниками, высланными под гласный надзор, и представителями государственных органов, на практике реализующих законодательство о ссылке способствовало еще несколько причин. Основные условия для обострения отношений были заложены в Положении о полицейском надзоре и являлись не переменными атрибутами государственного порицания и перевоспитания.

Во-первых, серьезным поводом для разногласий стали ограничения в выборе способов заработка, налагаемые на ссыльных из-за возможного вредного политического влияния, которое могло быть оказано на местное население при тесных и регулярных контактах, возникающих в ходе выполнения той или иной общественной работы. Особо остро поднадзорные реагировали на запрет преподавательской деятельности. Это объяснялось тем, что уровень образованности основной массы политических ссыльных позволял впол-

не свободно конкурировать с местными специалистами в сфере обучения различным наукам. Кроме того, благодаря репетиторству или частным урокам гласноподнадзорный мог обеспечить себе в сравнении с доходами ссыльных довольно неплохой и стабильный заработок.

В случае выяснения фактов запрещенной деятельности полицейские незамедлительно пресекали подобную практику, наталкиваясь при этом на недовольство поднадзорных. Отрицательное отношение к ограничениям каких-либо видов деятельности со стороны государственных преступников, высланных в Вятскую губернию, перекладывалось на исполнителей закона, обостряя тем самым и без того непростые взаимоотношения. Так, ссыльный горный инженер А.Н. Рябинин «высказал крайнее неудовольствие» действиями полиции, запретившей ему давать частные уроки математики (ГАКО. Ф. 582. Оп. 164. Д. 113. Л. 18). Отданный под гласный надзор бывший студент Московского университета А.А. Пономарев выступил с обвинением в адрес полицейских, которые будто бы «незаконно вмешиваются в его частную жизнь», отказывая ему в праве преподавательской деятельности (ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 90. Л. 89 об., 90).

Ситуация между государственными преступниками и надзирателями накалялась еще сильнее, если речь шла о единственном доступном способе поддержания своего существования. Материальная поддержка в виде пособия от казны разрешала лишь острую нехватку средств на жизненно необходимые продукты питания и бытовые предметы, более комфортных условий жизни политический ссыльный должен был добиваться самостоятельно.

Второй причиной противоречий во взаимоотношениях должностных лиц и гласноподнадзорных стала необходимость в соответствии с Положением о полицейском надзоре ограничивать свободу передвижения и выбора места жительства государственных преступников. Административная политическая ссылка сама по себе подразумевала несвободу определения той местности, где подданный, совершивший противоправительственное действие, будет находиться под гласным надзором со стороны полиции. Данное обстоятельство накладывало отпечаток на отношения ссыльных и должностных лиц центральных органов власти.

Губернатор в свою очередь имел право расселять прибывших поднадзорных в любой город или село в рамках подконтрольной губернии и перемещать их по своему усмотрению. Возможность перемещения политических ссыльных по территории конкретного региона использовалась в качестве поощрения при переселении в г. Вятку, которая являлась культурным и экономическим центром, или как наказание лицам, не подчиняющимся правилам гласного надзора. В качестве меры воздействия на ссыльных, совершивших

деяния, выходящие за рамки законодательства об административной политической ссылке, использовалось переселение поднадзорных из крупных городов губернии в отдаленные небольшие городки или практически отрезанные от мира села и деревни. Подобные смены мест водворения гласноподнадзорные воспринимали резко негативно, так как условия жизни на новом месте, как правило, лишали ссыльного устоявшегося круга общения, заработка и т. п. Это приводило к обострению отношений между представителями местной администрации и высланными под надзор.

Иногда использование губернатором права переселения вызывало взрыв массового возмущения ссыльных действиями властей. Так, в 1898 г. нолинские ссыльные оказали материальную помощь проходящим этапным порядком ссыльным, за что самые активные участники данной акции Ф.Э. Держинский и А.И. Якшин были переведены для продолжения срока гласного надзора в село Кайгородское. Ссыльные г. Нолинска посчитали решение губернатора безосновательным и вызванным исключительно субъективной неприязнью главы региона к этим поднадзорным, а также желанием создать невыносимые условия жизни для самых непокорных. Политические ссыльные потомственный почетный гражданин Н.М. Величкин и бывший студент Московского университета А.М. Никитин подали протест на имя губернатора, обвиняя последнего в необъективности и произволе с целью ограничения общественно-политической активности поднадзорных и снижения степени политического влияния на местное благонадежное население (ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 83).

Многие ссыльные г. Нолинска высказывали несогласие с переселением двух соотечественников по гласному надзору, что надолго стало причиной определенной враждебности при неизбежных контактах должностных лиц и государственных преступников. В частности, высланный за совершение государственного преступления А.М. Никитин, по рапортам уездного исправника «оставался сильно возмущенным переводом Якшина и Держинского и, видимо, старался узнать причину этого перевода... и не получив ответа, оставался при своем убеждении, что упомянутые переведены были без всякой причины, что его и возмущало» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 83). Гласноподнадзорная А.С. Ильяшева среди новичков, высланных в Вятскую губернию, «старалась внушить к полиции неприязнь, приводя в известность случай внезапного перевода в Кай поднадзорных Якшина и Держинского, переведенных, как она полагала, без всяких причин» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 82).

Ухудшению взаимоотношений ссыльных и полиции способствовало также проведение в жизнь распоряжения вятского губернатора об определении четких границ, в пре-

делах которых поднадзорные могли перемещаться без специального на то разрешения. Данное решение было принято для установления более эффективного контроля и снижения числа побегов, совершаемых поднадзорными. Район свободного передвижения политических ссыльных был ограничен в основном тремя верстами от города или села, включенного в список мест водворения государственных преступников. Недовольство поднадзорных вызывала узость территории, предназначенной для загородных прогулок или охоты. В дополнение ситуация обострялась в тех районах, где в разрешенную территорию попали участки, непригодные для отдыха, как это было в г. Нолинске.

Политические ссыльные отреагировали на решение губернатора письменными жалобами на отмену права поднадзорных отлучаться от места водворения на довольно большое расстояние. Глава губернии получил множество петиций с просьбами о расширении районов прогулок, на что дал отрицательный ответ. Некоторые поднадзорные, возмущенные еще большим ограничением свободы передвижения словом и делом выражали протест. Например, высланный в Вятскую губернию мещанин А.М. Соловьев, по характеристике уездного исправника, «против распоряжений о поднадзорных выражал протест» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 90. Л. 5 об., 6), поднадзорная Е.М. Крумзе «всегда выражала протест против устройства быта поднадзорных и распоряжений о них» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 90. Л. 7 об., 8) и т. д. Более радикально настроенные ссыльные своим поведением показывали несогласие с сокращением площади передвижения без специального на то разрешения. В частности, поднадзорная дочь капитана А.С. Ильешева, возбужденная против полиции, «неоднократно самовольно отлучалась из места, определённого для жительства и привлекалась за это к ответственности» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 162. Д. 94. Л. 85), в свою очередь, высланный под гласный надзор полиции дворянин Д.В. Лесенко распоряжениям об отлучках из города не подчинялся (ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 90. Л. 7 об., 8).

Взаимоотношения между политическими ссыльными и лицами, за ними надзирающими накалялись, когда возникала срочная и объективная необходимость выехать за пределы места водворения. В случае нарушения правил об отлучках даже по уважительным причинам и на незначительное расстояние ссыльные подвергались установленным в законе наказаниям в виде штрафов или арестов. Например, поднадзорный Ф.Э. Держинский самовольно покинул пределы назначенного ему места жительства для встречи своей невесты, за что и был наказан (ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 108 об., 109).

Неудобства, испытываемые поднадзорными от жестких рамок, сопутствующих системе гласного надзора, добавляли масла в огонь в любой спорной ситуации. Ощущение

несвободы, подчиненности сопровождало политических ссыльных в течение всего срока надзора. Высланный в Вятскую губернию Ф.Э. Дзержинский в одном из писем упоминал: «Хожу гулять и забываю тюрьму, вернее — забыл уже ее, однако неволи не забываю, так как и теперь я несвободен» (Дзержинский Ф.Э., с. 10). В результате поднадзорные становились замкнутыми, угрюмыми, раздражительными, менее терпимыми к реализации на практике правил административной политической ссылки. В ведомостях регулярно появлялись тревожные характеристики. Например, высланный в Вятскую губернию В.Г. Пономарев зарекомендовал себя, как «озлобленный на все правительственное» (ГАКО. Ф. 160. Оп. 160. Д. 199. Л. 59 об., 60), ссыльная К.Н. Приходькова «замечалась в грубом озлоблении к правительственным учреждениям» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 162. Д. 94. Л. 48 об., 49), поднадзорный Д.А. Телятинский был «сильно возбужден против правительства» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 186. Л. 114 об., 115) и т. п.

Отношения между политическими ссыльными и должностными лицами, осуществляющими гласный надзор, осложнялись тем, что в большинстве своем высланные лица, даже ощутив на себе государственное порицание, продолжали занимать активную политическую позицию и участвовали в противоправительственной пропаганде и иных акциях, направленных на изменение общественного мнения в отношении существующего официального режима. Подобная деятельность, признанная вредной, порождала ответную реакцию в виде осуществления более тщательного контроля над опасными элементами общества и пресечения всех возможных способов распространения оппозиционных идей и учений.

Среди используемых правительственными силами мер контроля за политической деятельностью в ссылке наибольшее недовольство со стороны гласноподнадзорных вызывали обыски. Так, против проведенного досмотра имущества протестовал высланный под гласный надзор за совершение государственного преступления кандидат прав К.А. Попов. Ссыльный высказал свое возмущение обыском, произведенным только из-за приезда к нему поднадзорного Н.М. Величкина, поведение которого вызывало сомнение у полиции. К.А. Попов утверждал, что досмотр квартиры был произведен «только потому, что этого захотелось полиции». В письме губернатору он отмечал: «Мне не доставляет ровно никакого насаждения принимать у себя незваных гостей, поднимающих вверх дном всю мою квартиру, и если полиции нравится так часто без всяких причин рыться в моих вещах, вторгаясь в мою чисто личную жизнь, и отнимать у меня время своими любезными посещениями, то она все же должна понимать, что эти посещения могут возмутить самого терпеливого человека» [4, с. 116].

Проживающий в том же г. Орлове ссыльный В.А. Кожевников, возмущившись непонятной выборочностью обыска, указал помощнику уездного исправника, что справедливо было бы провести досмотр имущества у всех орловских поднадзорных, так или иначе контактировавших с арестованным Н.М. Величкиным. На что получил ответ о нежелании полиции столь сильно утруждать себя. В обращении к губернатору В.А. Кожевников писал: «Неужели во всякое время, без всяких причин полиция может ворваться в квартиры ссыльных, чтобы удовлетворять своей страсти копаться в частной интимной жизни нашей? И неужели вообще допустима возможность существования под постоянным ожиданием нашествия полиции, которая всегда рада доставить ссыльным ту или иную неприятность? Со своей стороны я не думаю, чтобы закон оправдывал нелепые действия местной полиции, а потому усиленно прошу вас поставить отношения местной полиции к ссыльным в должные границы» [4, с. 116—117].

В итоге постоянный контроль в соответствии с устоявшимся законодательством оказывал заметное воздействие на мнения, складывающиеся у полиции и местных властей, о высланных государственных преступниках, а также у ссыльных по поводу действий должностных лиц, осуществляющих надзор. Данные отношения, как правило, варьировались от настороженных до резко антагонистических, что объяснялось изначальной разнонаправленностью целей и устремлений поднадзорных и надзирателей. Ситуация усугублялась личностными качествами людей, находящихся на противоположных полюсах системы административной политической ссылки. Излишнее рвение при исполнении правил надзора, некорректное или вызывающее поведение как со стороны государственных преступников, так и должностных лиц накаляло отношения и выливалось в различные формы протеста.

Отказ от компромисса при взаимодействии ссыльных и местной администрации привел к тому, что поднадзорные начинают воспринимать полицию как орудие несправедливой борьбы с политическими оппонентами. В свою очередь представители центральной и местной власти видят в высланных под надзор крайне опасных и готовых на любую противогосударственную акцию людей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО) Ф. 582. Оп. 159. Д. 83. Дела следственного стола Канцелярии вятского губернатора.

2. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции в Вятской губернии 1899—1900 гг.

3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 90. О предоставлении уездными исправниками по третям ведомостей о лицах, состоящих под гласным надзором полиции в Вятской губернии. 1900—1901 г.

4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 186. Отчет о лицах, состоящих под гласным надзором полиции в Вятской губернии. 1900—1901 г.

5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 162. Д. 94. О доставлении уездными исправниками по третям ведомостей о лицах, состоящих под гласным надзором полиции. 1901—1902 г.

6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 164. Д. 113. Аттестации уездных исправников о гласных поднадзорных по третям года 1903 г.

7. Дзержинский Ф.Э. Дневник заключённого. Письма. М.: Мол. гвардия, 1984.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права: Часть общая: преступления и преступники; наказания и наказуемые. Варшава: Тип. Варшавского учеб округа, 1894.

2. Казарян П.Л. Якутская политическая ссылка (историко-юридическое исследование). Иркутск: Изд-во ЯГУ, 1999.

3. Кодан С.В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск, 1980.

4. Луппов П.Н. Политическая ссылка в Вятский край. М.: Всесоюз. общ-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933.

REFERENCES

1. Esipov V.V. Ocherk russkogo ugolovnogogo prava: Chast' obshhaja: prestuplenija i prestupniki; nakazanija i nakazuemye. Varshava: Tip. Varshavskogo ucheb okruga, 1894.

2. Kazarjan P.L. Jakutskaja politicheskaja ssylka (istoriko-juridicheskoe issledovanie). Irkutsk: Izd-vo JaGU, 1999.

3. Kodan S.V. Politicheskaja ssylka v sisteme karatel'nyh mer samoderzhavija pervoj poloviny XIX v. Irkutsk, 1980.

4. Luppov P.N. Politicheskaja sсыlka v Vjatskij kraj. M.: Vsesojuznoe obshh-vo politkatorzhan i sсыl'no-poselencev, 1933.

Рецензенты:

Криушина В.А., канд. филос. наук, доцент кафедры отечественной истории и этнологии ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет».

Семенов А.В., канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет».